

З.А. Широкова

ДЕТСКАЯ ОДЕЖДА ТАДЖИКОВ И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ ОБРЯДЫ

Рождение ребенка в таджикской семье всегда ожидалось с радостью, но в то же время и с тревогой за жизнь матери и ребенка.

Детская одежда, особенно в первые сорок дней после рождения ребенка (*чилла*)¹, как в южных, так и в северных районах Таджикистана помимо своего непосредственного назначения выполняла роль оберега. Это обстоятельство учитывалось как при выборе материала, из которого она шилась (и одежда пожилых родственников) и техники шитья (швы делали наружу – от сглаза), так и при выборе украшений (различные амулеты). Изготовление одежды сопровождалось определенными обрядами.

До тех пор, пока не отпадет пуповина, новорожденного обычно не одевали, а заворачивали в мягкую ткань, ею могли быть платье или платок матери, рубашка отца и даже бабки или деда. Стремление завернуть ребенка в одежду пожилых родственников и тем самым «передать» ему долгую жизнь наблюдалось не только у таджиков, но и у других народов Средней Азии. В центральных районах Таджикистана (Каратаг) в этот период ребенку иногда надевали «рубашку», представлявшую собой согнутый поперек кусок ткани с горизонтальным разрезом для головы. Эта рубашка, не сшитая по бокам, покров которой напоминал саван, называлась *куртаи охира*т («саван»). Такое название ей было дано, вероятно, для того, чтобы выдавать новорожденного ребенка за умершего, обмануть злые силы и таким образом сохранить ему жизнь.

Все следующие рубашки уже шили. Первую из них называли «собачья рубашка». На наш взгляд, наиболее полное объяснение этому обычаю, широко распространенному среди народов Средней Азии, дал Г.П. Снесарев, связывавший его с тотемистическими представлениями, при которых в качестве тотемного животного выступает собака. Культурное значение собаки, первого животного, прирученного человеком, как писал он, явление стадийного порядка, присущего многим народам².

Во время нашего обследования в 1970-е годы название «собачья рубашка» помнили уже только пожилые люди, молодые же первую рубашку чаще называли «рубашка сорокодневия». Она была либо цельнокроеной, либо, как у взрослых, с вшивными рукавами и боковыми клиньями. Шили ее всегда из светлой ткани. Ткань брали размером в один обхват головы; из такого отреза должны были получиться две длины – перед и спина. Иногда материал отмеряли пядью (расстояние между концами растянутых большого и указательного пальцев). (Ткань для рубах взрослых мерили четвертями.) По одним сведениям, так измеряли обычно ткань для первых рубашек, по другим – для всех детских рубашек до года. Ворот делали чаще всего в виде горизонтального разреза, иногда – вертикального. Ткань по краям подгибали и подшивали, ничего не срезая. Если же какие-то кусочки ткани срезались, то лоскутки не выбрасывались, а пришивались на грудь или спинку рубашки. Выбрасывать что-либо, оставшееся при раскрое, было нельзя. Иногда, чтобы не повредить благополучию ребенка, ворот, подол и рукава не подшивали. Если имелся ворот в виде вертикального разреза, то на обеих сторонах его (посередине) делали по дырочке, в которые с изнанки продевали шнурок-завязку, скрученный из черных и белых ниток. Оба конца его протягивали через черную с полосками бусину. Подтягивая ее вверх, скрепляли ворот.

Надевала первую рубашку на ребенка или многодетная пожилая женщина, или представительница счастливой обеспеченной семьи, которые после традиционной мусульманской формулы «Во имя Бога милостивого и милосердного» желали ему здоровья и долгих лет жизни.

Прежде чем надеть рубашку на ребенка, через нее протягивали железный предмет

или камень, чтобы ребенок был крепким как камень или железо. Иногда ее сначала надевали на деревянный или металлический кол для привязывания животных, накидывали на морду собаки, чтобы ребенок, подобно ей, быстро рос и был вынослив, или же набрасывали три раза на веник. Последнее преследовало две цели: уберечь ребенка от всяческих напастей (поскольку веник выметает все нечистое, то следовательно, он преграждает дорогу духам, которые могут вредить ребенку) и гарантировать ему долгую жизнь (предполагалось, что ребенок должен прожить столько, сколько прутьев в венике).

По истечении сорока дней первую рубашку обязательно снимали: считалось, что если снять ее позднее, она не только перестанет быть оберегом, но даже может принести вред. Если с ребенком было все благополучно, то эту рубашку хранили до рождения следующего ребенка. Если же она изнашивалась, то ее куда-нибудь прятали (или зашивали в подушку), но ни в коем случае никому не отдавали и не выбрасывали. В случае болезни ребенка его в дни полнолуния несли на мазар, где с него снимали рубашку, которую там и оставляли. Иногда относили только рубашку, – это делала обязательно пожилая женщина. Кроме того, на мазаре оставляли и кусок белой ткани или ваты – для обеспечения благополучия ребенка.

Если дети в доме умирали, то первые рубашки для последующих детей шили либо из ткани, выпрошенной в благополучной многодетной семье, либо из семи лоскутков, взятых в семи многодетных семьях. Назывались они «выпрошенная рубашка». Считалось, что следует добавить к ней кусочки материи, раздававшиеся на похоронах пожилого человека, а также лоскутки ткани *пойандоз*, которую в знак уважения стелили кому-либо под ноги: невесте, жениху, а также человеку, долго находившемуся вдали от дома (в армии, на учебе) и благополучно возвратившемуся домой или приехавшему на побывку.

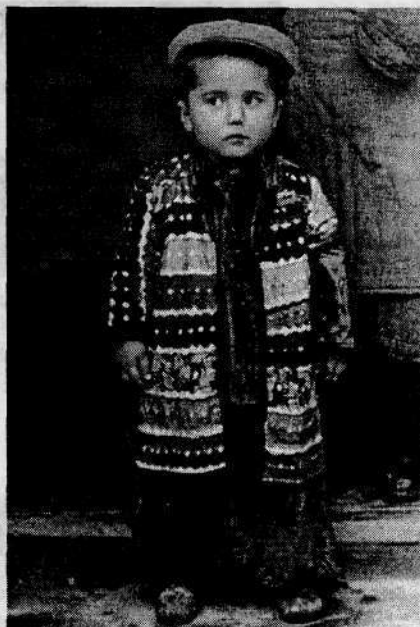
Последующие рубашки мальчиков и девочек имели один покрой (туникообразный), чаще всего горизонтальный разрез ворота и одинаковую длину. Постепенно одежда детей по составу и крою начинала все больше приближаться к одежде взрослых.

Обязательной принадлежностью детского костюма мальчиков и девочек были соответственно длинные штаны и шаровары. Раньше штаны на мальчиков надевали сравнительно поздно, и иногда 7–8-летний мальчик носил только длинную рубаху и халат (рис. 1). Сейчас их шьют даже малышам (обычно до года), но в этом случае – без вставки в шаг, открытыми. Когда же ребенок немного подрастет, ему начинают шить штаны того же покроя, что и у взрослых. Девочки в южных районах носят шаровары длиной до щиколотки, в северных – короче, до середины икры; внизу штанины обшивают тесьмой или отделяют вышивкой. У мальчиков штаны короче и шире, они прикрывают только икры.

Верхней одеждой мальчиков и девочек был и остается стеганый легкий халат. Халаты начинают носить очень рано. Если первый халат шили во время чилла, то его по аналогии с первой рубашкой иногда называли «собачий халат». Но носили первый халат до тех пор, пока он не становился мал. Если в доме умирали дети, то первый халат, как и первую рубашку, шили из лоскутков, выпрошенных в семи семьях.

Не менее интересными были и детские головные уборы. Как только ребенок начинал держать головку, на него надевали легкую тюрбетейку или шапочку в виде капора, украшенную вырезанными из разноцветной материи лоскутками в виде треугольников и кружков, являющихся оберегами. Для детей постарше шили тюрбетейки из разноцветных лоскутов. Помимо того, что сшитые из лоскутов тюрбетейки, уже сами по себе служили оберегом, к ним еще прикреплялось множество амулетов. Для детей изготавливали и вышитые тюрбетейки. Вышивка не только украшала тюрбетейки, но и служила оберегом. Наряду с различными орнаментами на них встречалось изображение змеи. Помимо тюрбетеек ее могли вышить и на спине детского халата или рубашки. Иногда вместо вышивки к детской одежде прикрепляли изображение змеи, выполненное из ткани или изготовленное в виде металлической брошки. Как известно, в древности почитание змеи было распространено очень широко.

Рис. 1. Мальчик в халате из белой ткани с нашитыми поверх разноцветными полосками, в которых вырезаны круглые дырочки от сглаза. Пенджикент. 1980-е годы

К тюрбетейкам мальчиков и девочек пришивали искусственные косички с бисерными подвесками на концах. Косички украшали белыми перламутровыми пуговицами. К тюрбетейкам девочек иногда прикрепляли серьги.

На детскую одежду обязательно нашивались украшения-амулеты. Это могли быть зашитая в треугольники из красивой ткани вата, душистая мята, подвески из дерева туг, черные бусины с белыми глазками, бусины из сердолика, подвески из когтей медведя, барса или волка, зубов волка, зубов и костей змей, раковин каури, т. е. набор предметов, которые, по народным представлениям, способствовали благополучию ребенка. Говоря об украшениях, следует отметить, что девочкам очень рано прокалывали уши. Сначала в отверстие продевали нитку или волос собаки (полагали, что уши тогда заживут быстрее), которые впоследствии заменяли серьгами. Иногда в отверстие вставляли стержни, сделанные из семян дыни, или лапки священного черного навозного жука-скарabeя: и то, и другое символизировало плодородие. Кроме того, жука считали могущественным оберегом от злых сил и болезней. В некоторых случаях в проделанное отверстие вставляли зауженную заостренную палочку или туго скрученные и подожженные фитильки из ваты.

Излюбленным украшением маленьких детей были браслеты из серебряных или разноцветных бусин, почти каждая из которых служила оберегом (черная с белыми пятнышками – от сглаза, желтая – от желтухи, голубая – от коклюша и т.п.). Для усиления охранных функций в браслете обязательно должна быть хотя бы одна старинная бусина. «Действовать» такие браслеты начинали лишь после того, как мулла прочитывал над ними молитву и надевал их на ручки и ножки младенцам. С возрастом украшения носили только девочки, и были они такими же, как и у взрослых.

На всей территории Таджикистана до сих пор сохраняются некоторые обычаи и обряды, связанные со стрижкой волос у детей. Впервые мальчиков и девочек стригли по достижении ими года. Если стрижка волос у девочки происходила скромно, то стрижка волос у мальчика (особенно в южных районах) сопровождалась небольшим празднеством. Если же дети в семье умирали, а потом рождалась девочка, то и ее стрижка сопровождалась аналогичным обрядом. Для стрижки мальчика приглашался мулла или почтенный старик. Они и начинали стричь волосы, заканчивала же стрижку обычно мать ребенка. Девочкам стричь волосы иногда также начинал мулла, но чаще это делала многодетная почтенная пожилая женщина. Чтобы у матери были еще дети, волосы с головы ребенка состригали не все, оставляя на затылке небольшую прядь. Впервые срезанные волосы зашивали в амулет (*тумор*) и клали в колыбель, а при последующих стрижках все волосы бросали в реку, зарывали под виноградной лозой, вечнозеленым деревом или прятали в какое-нибудь укромное место, например, в щели стен дома.

Волосы не состригали полностью и тогда, когда в семье умирали дети. В этом случае мальчикам, а изредка и девочкам на затылке оставляли прядь волос для кошечки и в присутствии стариков и мุลлы давали обет – устроить жертвенное уго-

Рис. 2. Костюм и прическа девочки. Кишлак Зидды. 1980-е годы

Рис. 3. Костюм мальчика. Кишлак Камчин (Варзоб). 1980-е годы

щение, если ребенок не умрет. Подобная косичка называлась *кокули назри* (букв. «косичка, обещанная по обету в жертву»). Такой ребенок считался должником Бога³. Обычно обет давался тому мазару, к которому обращались с целью «вымолить» ре-

бенка, на этом же мазаре и устраивали жертвенное угощение. Иногда это делали дома, имитируя место действия (мазар), для чего отходили от дома на семь шагов: долг перед Богом считался выполненным. В очень богатых семьях (центральные районы Таджикистана) мальчикам и девочкам оставляли до одиннадцати косичек, которые посвящали соответственно одиннадцати мазарам. Жертвенное угощение делали поочередно. Срезали обычно по одной косичке, заворачивали ее в ленту из белой ткани и мазали кровью убитого животного.

Девочкам чаще всего косичку не оставляли, а вместо этого давали имя Назри, Назригуль. В дальнейшем мальчиков стригли (потом начинали брить) регулярно, а девочкам с трех-четырёх лет начинали отпускать волосы, первоначально оставляя лишь пряди по бокам. Наилучшим считалось отпускать волосы лет с семи (см. рис. 2).

Одежда пополнялась по мере того, как изнашивается. Отдельные нарядные предметы костюма приобретались к традиционным праздникам. Что касается семейных праздников, то после года в честь девочек до самой свадьбы никаких празднеств не устраивалось. Однако в центральных районах Таджикистана среди бухарских таджиков и на севере – в долине Зеравшана среди пенджикентских таджиков, а также в Узбекистане (Бухара, Самарканд) в конце XIX в., когда девочке исполнялось 12 лет, на нее впервые надевали старинный халат – *мунисак*, *калтача*⁴. Так торжественно отмечался первый *мулджар* – летосчисление по 12-летнему циклу животных. Этот обряд знаменовал переход девочки в следующий возрастной класс – класс девушек, после чего она могла выйти замуж. Изредка его отмечают и сегодня, но надевают теперь не халат, а белое платье на кокетке⁵.

Мальчикам в этом возрасте устраивалось торжество в связи с обрядом обрезания – самое большое пиршество в их честь. Во время обряда мальчикам впервые поверх тубетейки повязывали чалму, вставляя в ее складки цветы; иногда чалму заменяли поясным платком (после обрезания у мальчика появлялась собственная чалма). На него, кроме того, надевали новые нарядные одежды: в северных районах с ножом в ножнах на пояском платке, в Худжанде мальчику, как и жениху, шили специальный полупелюшковый халат из зеленой и красной ткани *зангор*, который подпоясывался розовым платком, и дарили ему новые одежды. Согласно исследованиям Г.П. Снесарева, обряд обрезания следует рассматривать как пережиток ритуала возрастной инициации, который является актом свидетельства зрелости мальчика; он должен был показать готовность мальчика к положению взрослого юноши⁶. Набожные старики и представители духовенства полагали, что обрезание и надевание на мальчика чалмы означает приобщение его к исламу. Считалось, что только после обрезания «руки его становились ритуально чистыми» и он получал право читать молитву (намаз).

Обрядом обрезания завершалась фаза детства. До этого ребенок находился в сфере социально-культурного воздействия взрослых, которые помимо воспитательных приемов, направленных на его социализацию и овладение этническими традициями, использовали также различные магические средства, которые должны были уберечь ребенка от влияния злых сил (рис. 3)⁷. И детской одежде отводилась в этом исключительная роль. Ее конструктивные и семантические особенности не только маркировали отдельные этапы первого периода жизни ребенка, но и имели, по представлениям таджиков, важнейшие охранительные и благожелательные функции, во многом определяющие его дальнейшую судьбу⁸.

Примечания

¹ Подробнее об этом см.: *Троицкая А.Л.* Первые сорок дней ребенка (чилла) среди оседлого населения Ташкента и Чимкентского уезда. Ташкент, 1927; *Она же.* Рождение и первые годы жизни у таджиков долины Зеравшана (по материалам среднеазиатской экспедиции АН СССР в 1926–27 гг.) // Сов. этнография (далее – СЭ). 1935. № 6. С. 116, 352; *Сухарева О.А.* Мать и ребенок у таджиков. Иран. Т. 3. Л., 1929; *Лобачева Н.П.* Формирование новой обрядности узбеков. М., 1975. С. 71–74.

² Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 320–321.

³ Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе, 1973. С. 261–262; Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962. С. 271.

⁴ Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана // Сб. МАЭ. Вып. XXXIV. Л., 1978. С. 136.

⁵ Шовалиева М. Современный обряд «мулджар» у таджиков Бухары и ирани Кагана // Актуальные вопросы гуманитарных наук на современном этапе (философия, история, право). Душанбе, 1987. С. 130–135.

⁶ Снесарев Г.П. Указ. соч. С. 96–100.

⁷ Об этом подробнее см.: Рахимов Р.Р. Дети: путь просветления (К проблеме традиционной этнопедагогике таджиков) // Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. СПб., 1998. С. 196–200.

⁸ О таджикской одежде см.: Широкова З.А. Таджикский костюм конца XIX–XX вв. Душанбе, 1993.

Z.A. Sh i r o k o v a . Tajik Clothing for Children and Related Rituals

Tajik dress-making for children and children dress are analysed on the basis of fieldwork data. During the first forty days of a child's life, both in the northern and southern Tajikistan a dress functions as a lucky charm, the choice of a cloth, dress-making technique, and ornaments becomes important. The dress-making is accompanied by special rituals. The first child's shirt, trousers, robes, and head gear (*tyubeteika*) are described. Amulets are given special attention. Besides, some rituals and customs related to children's haircutting are interpreted.

© 2002 г., ЭО, № 4

С.И. Рыжакова

МАНИПУРИ

(ОБ ОДНОМ ТАНЦЕВАЛЬНОМ СТИЛЕ ИНДИИ)

Горные районы Северо-Восточной Индии – штаты Аруначал Прадеш, Ассам, Нагаленд, Мегхалай, Манипур, Мизорам и Трипура – значительно выделяются на общем культурном фоне страны. Это особая физико-географическая, историческая и культурная область Южной Азии, соединенная с основной территорией Индии только узким перешейком штата Западная Бенгалия. В остальных местах указанные штаты граничат с другими государствами: Бангладеш на юго-западе, Мьянма (Бирма) на юго-востоке, Бутан и Китай (Тибет) на севере и западе. Пограничное положение северо-восточных территорий Индии, ее «восточных ворот», предопределило и местный этнический состав, и лингвистическую, и культурную картину в целом¹.

Это один из самых малодоступных и плохо исследованных районов Южной Азии. Полной и обобщающей истории северо-восточных штатов Индии еще не написано, в этнической истории и культуре населяющих их народов много неизвестно.

Манипур располагается в долинах общей площадью около 650 кв. км между горными поясами, которые отделяют его от Мьянмы (Бирмы) с востока и Ассама с запада. Долина р. Манипур (Импхал), часть бассейна Иравади, – ядро древних государственных образований и основная территория проживания населения штата². Пограничное географическое положение Манипура определило его историко-культурную характеристику как область «между Индией и Бирмой». В культуре народов Манипура сочетаются индийские и бирманские элементы, но при этом в целом в данном штате сложился особый культурный облик. Свообразные «визитные карточки»